

Как прокормить москвичей?

В Москве отец получил в наследство от своих предшественников вконец разоренное сельское хозяйство. Те же проблемы, что в Киеве, и не совсем те: колхозы – маленькие, земли неплодородные, жилья нет не потому, что его разрушила война, оно просто отсутствовало. Возрождение Подмосковья, по мнению отца, следовало начинать со специализации, с избавления от сельскохозяйственных культур, требовавших просторных полей: пшеницы, овса, ржи, развивать овощеводство, сажать картошку, морковь, капусту, салат, лук, строить теплицы, выращивать в них круглый год огурцы, помидоры, зелень, ориентироваться на потребности Москвы. Этим он в Киеве, на Ирпенской пойме, завершал свою карьеру и с того же решил начать преобразование подмосковного аграрного сектора. Доставлять все эти деликатесы с юга в те года не получалось, о рефрижераторах еще только мечтали, а без них любой овощ за неделю превращался в сплошную гниль.

Москвичи страдали не только от отсутствия свежих овощей и фруктов. За молоком, сметаной, творогом, сыром, маслом и, конечно, мясом, когда эти продукты появлялись на магазинных полках, выстраивались длиннющие очереди. Чтобы все это произвести, скотину требовалось накормить, если не вдоволь, то хотя бы покормить, чтобы на кости хоть какое-то мясоросло, а вымя, высохшее от голода, раздоилось. Но как этого добиться? В подмосковных худосочных колхозах числились одни старухи. Рассчитывать на них особенно не приходилось. Хуже того, рассчитывать было вообще не на что.

Село задавили непомерными налогами, им обложили каждую яблоню, корову, каждую курицу. Труд крестьян государство оценивало более чем символически, колхозникам за трудодень официально платили меньше рубля, а нередко просто отмечали еще один отработанный день в ведомости «палочкой». И дело с концом. Заготовительные цены тоже устанавливали соответствующие, к примеру, в начале 1950-х годов за килограмм картошки давали три копейки, те старые, неденоминированные 3 копейки. Довезти ее от поля до сдаточного пункта обходилось дороже. Налоги же Министерство финансов взимало исправно, не заплатишь, никто с тобой церемониться не станет, дело передадут в органы, оттуда – в прокуратуру с судом, и пойдешь мотать срок. Вот и приходилось все выращенное на собственных приусадебных участках на своем же горбу тащить в Москву на рынок, а вырученные деньги в виде налогов возвращать той же Москве.

Такую политику Сталин проводил осмысленно. Он ненавидел крестьян и через ограбление деревни приумножал, как ему представлялось, богатство страны, черпал из казалось бы бездонной бочки ресурсы на строительство новых заводов, электростанций, вооружение новых и новых дивизий. Постоянно выдумывались все новые и новые налоги. Общая сумма налога с крестьянского двора возросла со 112 рублей в 1940 году до 419 – в 1949 году, это год переезда отца в Москву, и продолжала расти, достигнув 528 рублей в 1952 году.

Работать практически задаром никто не хотел нигде, но в глубинке деться некуда, а тут до Москвы рукой подать и работы там неуворот, хочешь, иди улицы подметать, хочешь – осваивай профессию строителя или на завод нанимайся. Отсутствие у крестьян паспортов и необходимость получения у местных властей разрешения на отходный промысел мало кого смущало, вечно голодный на рабочие руки город как-то договаривался с областью. Нередко все решалось и того проще, секретарь сельсовета за бутылку самогона выправлял нужные бумаги, выдавал справку – и ищи вчерашнего колхозника в московских переулках.

Кардинально изменить положение отец и мечтать не смел, заикнись он перед Сталиным о непосильности налогового бремени и... В 1946 году он испытал на собственной шкуре, что следует за «и...» Тогда на Украину обрушилась страшная засуха, зерна собрали чуть ли не меньше, чем посеяли, в среднем по 4,6 центнера с гектара, и тем не менее госу-

дарственные заготовители вымели и это «чуть ли» подчистую, и рожь, и пшеницу, и кукурузу, и горох, «заготовили» даже семенной фонд, на собственный прокорм не оставили крестьянам ни килограмма.¹⁰ Украине грозил голод, возможно, не меньший голодомор, чем в начале тридцатых годов. Требовалось что-то предпринять, и немедленно. Отец понимал, в сложившихся условиях сданный хлеб Москва не вернет, он уже «расписан» на прокорм не только своих горожан, но и значительная часть украинского урожая, около 2,5 миллионов тонн зерна, ушла в Польшу, Чехословакию и Германию. Отец потом часто вспоминал, как в голодную зиму 1946/47 года, когда украинцы ели траву, крыс, дошли до людоедства, поляки с презрением отказывались от «советского» черного ржаного хлеба, требовали пшеничного. Этого им отец не простил.

Отец решил пойти на хитрость, попытаться договориться с Москвой в обход Сталина о получении для украинских крестьян нескольких миллионов карточек, дававших доступ к централизованному государственному снабжению продовольствием. Их ввели еще в начале войны, но выдавали только горожанам. Крестьяне, считал Сталин, сидят на земле и сами себя прокормят. Осенью 1946 года Сталин отдыхал на Кавказе, за него на хозяйстве оставались Маленков с Берией. Они обещали посодействовать. Распределением карточек в Москве ведал Алексей Николаевич Косыгин, он тоже пообещал карточки выделить, попросил лишь прислать ему для проформы из Киева официальный запрос. Но что-то не сложилось. Или московские «друзья» повели свою игру. Так или иначе, но Берия, только он имел право поставить факсимиле Сталина, письмо за подписью отца направил не Косыгину на исполнение, а Сталину в Сочи.

У Сталина же осенью голодного 1946 года вызревали совсем другие планы. Он решил с 1947 года вообще отменить карточки и теперь копил резервы. А как их накопить, если в стране шаром покати? Сталин разрешил проблему по-своему, 26 сентября 1946 года он подписал секретное Постановление «Об экономии и расходовании хлеба», предписывавшее с 1 октября сократить ежемесячный «расход» зерна на выпечку хлеба почти на полмиллиона тонн, с 1 миллиона 676,7 тысяч тонн до 1 миллиона 190,8 тысяч тонн. И соответственно уменьшить отпуск хлеба по карточкам на 30 процентов, урезать «контингент», снабжаемый по карточкам хлебом с 87 миллионов до 60 миллионов человек. Из 27 миллионов человек, лишившихся гарантированного продовольственного пайка, 23 миллиона проживало в сельской местности. Оставшиеся 5 миллионов набирались за счет изъятия карточек у 70 % «иждивенцев». В иждивенцах числились все неработающие или работающие на менее важных, с точки зрения Сталина, участках, в том числе МТС, совхозах, местной промышленности. Оставшимся 30 процентам «иждивенцев» нормы выдачи срезали до 250–300 граммов, а детям с 400 до 300 граммов хлеба в день – столько выдавали в осажденном Ленинграде.

Когда отец писал свое письмо Сталину, он об этом Постановлении еще не знал и попал, как кур в ощи́п.

Никаких карточек Украина, естественно, не получила. Сталин разнес отца сначала письменно, а по возвращении с юга, 27 февраля 1947 года, вызвал его в столицу и устроил показательную выволочку, обвинил в мягкотелости, потворствовании мелкобуржуазной крестьянской стихии и еще бог знает в чем. Отец приготовился к худшему, к аресту, но обошлось. Сталин ограничился снятием его с секретарей Украинского ЦК и заменой на время Кагановичем. Опала продолжалась около года, 15 декабря 1947 года Кагановича с Украины

¹⁰ Кроме Украины от засухи пострадали Крым, Молдавия, Северный Дон, Ставрополье, Сталинградская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Орловская, Рязанская, Саратовская, Куйбышевская, Пензенская, Тульская и Брянская области, Забайкалье и Дальний Восток. В Казахстане и Сибири обильные дожди во время уборки сгноили урожай на корню. (Письмо министра заготовок СССР Б. Двинского И. В. Сталину от 23 сентября 1946 г. Опубликовано в «Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953». М.: РОССПЭН, 2002.)

отозвали. Стоила она отцу многих лет жизни. Я уже упоминал об этом «эпизоде» в жизни отца.

Соваться снова к Сталину с предложением снизить налоговое бремя отец, естественно, не мог. Приходилось выкручиваться. Выход отец нашел в укрупнении слабосильных подмосковных колхозов, так удастся собрать вместе хоть сколько-то рабочих рук, создать «критическую массу», превратить хозяйства, только числящиеся колхозами в статистических отчетах, в нечто трудоспособное. К тому же тут и риск сводился к минимуму, отец двигался в фарватере Сталинской политики сокращения общего количества колхозов в стране. Только в 1950 году – с 252 тысяч до 121 тысячи, а в 1952-м уже – до 94 тысяч.

Отец начал перестраивать сельское хозяйство Подмосковья под потребности Москвы, пересматривали плановые задания, структуру посевов и заготовок. Ему пришлось сражаться с Госпланом, Совмином, вернее уговаривать, улещивать их, да так, чтобы Сталина не прогневить. Нельзя сказать, что все удалось сполна, но кое-что получилось. Но тут же возникли новые проблемы, выращивание овощей требовало дополнительных затрат труда. И картофель, и морковь, и свеклу недостаточно посадить или посеять, как овес, за ними надо все лето ухаживать, прореживать, пропалывать, рыхлить. И все это вручную. На приусадебных участках колхозники рыхлили и пололи в охотку, а на колхозных полях горбатиться на дядю не хотели, да столько рук в колхозах просто не было. Даже после укрупнения они оставались малочисленными и слабосильными. Отец уповал на технический прогресс. С проблемой обработки пропашных, так называют культуры, требующие постоянной обработки в течение лета (клубники, картофеля, хлопка, кукурузы, сахарной свеклы), отец настрадался еще на Украине. Там же наметилось и решение проблемы: квадратно-гнездовой, шахматный сев. Отец попросил своего помощника по сельскому хозяйству Андрея Степановича Шевченко разыскать полученную после войны от американцев, от ЮНРРА, квадратно-гнездовую сажалку и, если новое украинское руководство позволит, привезти ее в Москву. Новое руководство не возражало. С отъездом отца эксперименты забросили. Раньше он подталкивал Минсельхоз, ездил на испытания, требовал отчета, другими словами, подкачивал энергию. И дело двигалось, энтропия уменьшалась, система упорядочивалась. Без него все пустили на самотек, энергия быстро улетучивалась, как воздух из дырявого баллона... Энтропия возросла до таких размеров, когда никому и ничего не нужно.

Сажалку украинцы отдали Шевченко с охотой и с облегчением. Передали они Шевченко и изготовленные еще при Хрущеве собственные копии с американской сеялки. Все это добро свезли в подмосковные Люберцы, где располагался экспериментальный завод сельскохозяйственных машин и испытательная станция. Отец уже успел познакомиться с местными инженерами. Теперь им предстояло вместе приспособлять американскую конструкцию к российской действительности.

На первый взгляд все выглядело до смешного просто: трактор с сеялкой следует вдоль натянутого по борозде проволочного шнура с завязанными на нем через равные промежутки узелками-метками. Сеялка связана с проволокой скользящим по ней простейшим датчиком. Наткнулся он на узелок, отклонился «флажок», открылась заслонка в бункере, и в лунку падает картофелина, зернышко кукурузы или сахарной свеклы, притом только одно, чтобы не прореживать.

Начали экспериментировать в одном из колхозов Раменского района. Отец его выбрал сам, тамошний председатель произвел на него впечатление человека инициативного. Поездки на поля в Раменское времени требовали немалого, и отец перенес испытания в колхоз деревни Усово. Рядом с ней, за каменным забором располагалась его загородная резиденция «Огарево». В нем селились первые секретари Московского Комитета Коммунистической партии: первым Александр Сергеевич Щербаков, затем Георгий Михайлович Попов, после него отец, а после отца – Николай Александрович Михайлов и так далее. Теперь отец

наведывался к испытателям каждый выходной. Естественно, и мы, дети, увязывались следом. Все походы были похожи, отец вместе с испытателями резиновыми сапогами месил весеннюю грязь, наблюдал, как вдоль борозды долго натягивают стальную проволоку с завязанными через равные промежутки узлами. Потом заводили трактор, прицепляли картофелесажалку и приступали к действию. Трактор полз вдоль проволоки, очередной узелок отворял затворку в хоботе картофелесажалки, и картошка за картошкой скатывалась в борозду: щелк, щелк, щелк. Когда борозда заканчивалась, проволоку отцепляли от сажалки, вручную переставляли на следующую борозду, и так раз за разом. Отец вышагивал за трактором, проверял, сколько картошек свалилось в каждую лунку, измерял расстояние между лунками, о чем-то долго разговаривал с инженерами. Так продолжалось часами. Нам, детям, уже через четверть часа становилось невыносимо скучно, но мы терпели.

На следующий выходной все повторялось. Дела не очень ладились.

Многометровая проволока под напором трактора вытягивалась, вместо квадратов получались разнокалиберные ромбы, особенно это становилось заметным, когда появлялись всходы. В продольном направлении рядки четко прослеживались, а в поперечном растения располагались хаотично, ни о какой механизации обработки посевов пока не приходилось и мечтать. От огорчения отец только побрякивал. Инженеры из Института сельскохозяйственного машиностроения дорабатывали сеялку. Следующей весной все повторялось сызнова. Нерастягивающуюся проволоку с узелками так и не изобрели, квадратно-гнездовые сеялки не пошли, их выпускали на заводах, но в очень ограниченных количествах.

В начале 1960-х годов в той же Америке появились химические средства борьбы с сорняками, яды-гербициды. Они и похоронили идею квадратно-гнездовой посадки, сначала в Америке, а затем и у нас.